

Эльдар РЯЗАНОВ:

«МОЙ ЮМОР ЧЕРНЕЕТ»

В ПОСЕЛКЕ «Закат коммунизма» живет свободный народ. Со своим Президентом, своей демократией, своими законами. Свободный от всякой политики и всякого имущества. Президентский Дворец — кузов троллейбуса, отдельные квартиры — контейнеры, коммуналки — вагонные купе. Есть даже человек, живущий в канализационном люке, — тут уж аналогий к жилью не подберешь, разве что к жильцу: червяк. Живут, на жизнь не жалуются. Днем собирают милостыню (чего стыдиться? — «Вся страна стоит с протянутой рукой»), а вечером, если повезет, пьют... иногда даже шампанское. Как и положено широкой русской натуре.

Есть в этом поселке и бывшая художница, и писатель-эпопейщик, и еврей-музыкант. Есть и попроще народ. А на жизнь они не жалуются не потому, что она их устраивает, а потому, что жизнью ее не считают. Ждут инопланетян. Составляют списки отлетающих и с первым снегом собираются улететь отсюда куда подальше.

«Закат коммунизма» — не только место, но и время действия. Со всеми присущими времени приметами. Столовая для неимущих, но по талонам. Стоит только обратиться в райсобес, там обследуют материальное положение, жилищные условия и т. д. «В общем, соберете все справки о вашем бедственном положении, райсобес утвердит его на комиссии и выдаст вам талоны на милосердие». — поясняет председатель исполкома. Есть в картине и жаждущие помочь перестройке американцы. Они собираются строить цеха противозачаточных средств. Правда, для того, чтобы построить

(Окончание на 16-й стр.).

Жран и скена - 1991 - 16 мая (N 20) - с. 16

«МОЙ ЮМОР ЧЕРНЕЕТ»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

столь нужные стране цеха, надо свалку ликвидировать. А ее обитателей?.. Кого в дом престарелых, кого в больницу, кого в психушку. «Кое по кому тюрьма плачет», — добавляет Джон Сидорчук — американец советского происхождения.

— Эльдар Александрович, это ваше отношение к СП?

— Я замечательно отношусь к кооперативам, СП, иностранному капиталу. Я даже думаю: «Господи, может, нас кто-нибудь в колонию возьмет». Но такая огромная колония... Она же метрополию слоает. Так что у меня нет ни ложного патриотизма, ни чванства. Картина не об этом. Как сказал мой художник Александр Борисов: «Да она же против всех!» Действительно, картина против всех государственных структур. Даже против «демократии», которая у нас тоже тоталитарна. Но она за людей.

— Где же выход?

— Для меня ситуация в стране сродни фашистской Германии после разгрома. Но там нация и правительство отреклись от прежней идеологии, от нацизма, от расизма. Начали с нуля строить новое общество. И построили одно из богатейших государств мира. У нас же этого отречения не происходит. Пока мы, государство, правительство и Президент — не отречемся и не отряхнем прах прежнего со своих и наших ног, ничего не произойдет. Так и будем гнить. Все надо на свалку. Все нужно делать заново, строить на новой, чистой основе.

— За все за это вашу работу не пытались закрыть?

— Картина снималась совершенно свободно. Как говорят, что вижу, то пою. Тормозов ни внутренних, ни внешних не было никаких. Только творческие проблемы. Трудно давался сценарий. Мы отпрыгивали от первого варианта, сделанного Генриеттой Альтман, выпускницей-заочницей сценарного факультета ВГИКа. У нее были зарисовки из жизни бедняков, довольно натуральные. Но любой сюжет во «Взгляде» или в «600 секундах», показавший подлинную свалку бедняков и дома престарелых, положил бы всю художественную выдумку на обе лопатки. С хроникой соревноваться бессмысленно. В ней есть настоящая, которая всегда сильнее любой имитации. Поэтому моя задача заключалась в том, чтобы поставить все с ног на голову, сделать комедию. Я считаю, комедии подвластна любая проблематика. Все зависит от позиции автора: злорадна она или гуманна. Человеку, желающему изменить мир к лучшему, с моей точки зрения, позволено смеяться над всем.

Кроме, конечно, работы. Здесь Рязанов легкомысленного отношения не признает. За месяц до начала съемок уволил директора картины и оператора (близких людей, с которыми сделал не одну картину), полностью сменил административную группу.

— Они предпочли большие деньги. Пытались совмещать. Стали уделять моей картине мало времени. Когда я чувствую болезнь — а это уже была гниль, метастазы, — я, несмотря на репутацию добряка, человек безжалостный. Сразу отсекаю больные части организма — измены, предательства, снисходительного отношения к работе не прощаю.

Зато вновь созданной группой очень доволен:

— Развал в стране нас не коснулся. Работали четко и дружно. У меня замечательный художник — Александр Тимофеевич Борисов. Вместе с Сергеем Ивановым, его учеником, они построили поселок недалеко от сортировочной станции Киевской железной дороги, в пяти минутах езды от «Мосфильма». Привезли туда старые вагончики, троллейбусы, милиционерские будки, кузова машин, пригнали старый паровоз. Начиная с «Иронии судьбы» я делаю с Борисовым все картины. Художник, который очень сильно на меня повлиял. Я в какой-то степени изменился под его воздействием.

Новый директор картины — Карлен Агаджанов — мой старый друг. Мы делали вместе «Невероятные приключения итальянцев в России» и «Служебный роман». Он вошел в картину за месяц до съемок и поднял эту многострадальную, многообъектную, очень сложную по организации картину. Сняли ее за два с половиной месяца. Для двухчасового фильма — это очень быстро. Причем, на бедные деньги — по госрасценкам.

Артисты, да еще такие, могли за это время заработать значительно больше. Но они предпочли работать со мной. Из чувства взаимной привязанности и любви. И я это очень ценю. Ну и всем понравился сценарий. Поэтому и удалось собрать такой букет: Гафт, Ахеджа-

«...Первые две трети все посмеются всласть. А дальше будет уже не до смеха». Сказал Эльдар Рязанов, имея в виду вовсе не перестройку, а свой новый фильм «Небеса обетованные». Зато уж в фильме он всю эту перестройку имел в виду.

кова, Волкова, Гундарева, Басилашвили, Броневой, Невинный, Карцев, Арцибашев, Филиппов, Пашутин, Русланова. Нина... кого-то забыл... Станислав Садацкий, Федя Дунаевский. Картина очень населенная.

Население, то есть своих героев, режиссер любит ничуть не меньше, чем их исполнителей:

— Картина о добрых, чистых, хотя очень непростых людях. Я своих героев очень люблю, отношусь к ним с сочувствием и симпатией. Произошла любопытная история. Приступая к картине, я думал, что снимаю про очень-очень бедных людей, про исключение из нашего общества. Но пока снимал и монтировал, уровень жизни в стране так понизился, что оказалось, я сделал картину про весь советский народ. Так жизнь внесла свои печальные коррективы. Картина к тому же в чем-то оказалась пророческой, к сожалению. В ней есть эпизод — ОМОН с танками громит поселок. Сейчас кому-то может показаться, что мы конъюнктурно ввели этот эпизод. Но он был снят за два месяца до событий в Вильнюсе. Мне кто-то высказал свои сомнения: картина, мол, настолько современна, что как бы быстро не устарела. Но у меня такое чувство, что она, к сожалению, еще долго не устареет. Как художник я могу гордиться этим, но как гражданин я печалюсь и предпочел бы, чтоб моя картина устарела и выступала только как документ эпохи.

— Вы ушли с телевидения еще в разгар перестройки. А как относитесь к бойкоту Центрального телевидения кинематографистами сейчас?

— Я — один из застрельщиков. Я его подписал и участвую в нем. И вот недавно меня же в «Кинопанораме» и показали. Интервью сняли еще в сентябре, на второй съемочный день. Я позвонил Мережко, протестовал против показа. Но с этим не посчитались. Сказали, интервью — собственность телевидения, но, дескать, уважая вас, скажем, что снято оно было задолго до бойкота. Про бойкот они даже не вспомнили. Сказали только, что снято в сентябре. А потом пошли кадры. Тут я вообще вздрогнул. Потому что кадров я никаких не давал. Но уже существует рекламный фильм, который они где-то раздобыли. Теперь у меня ощущение, простите, что я вляпался в говно. Так и напишите: «В говно!» И я — один из инициаторов бойкота, должен объяснить, как я попал на «голубой» экран.

С Российским телевидением буду сотрудничать с удовольствием. Может быть, придумаю для них передачу и буду вести. А на ЦТ мне делать нечего. Там уже не осталось никого. Один Молчанов еле держится. Весь цвет интеллигенции подписал бойкот, протест против чиновника — начальника телевидения. А Президент неделю спустя назначил этого начальника хозяином новой компании. Значит, наше мнение не имеет никакого значения. Личная преданность оказалась важнее. И это очень, очень горько. У бойкота, правда, есть вторая сторона. Зритель вроде не виноват. Но, объявляя бойкот, мы надеялись, что к нашему мнению прислушаются. Не прислушались. И бойкот потерял всякий смысл.

— Ваша картина — не совместная постановка, с телевидением вы в ссоре, прокатная система в стране разрушена. Как вы видите будущее своего детища? На что надеетесь?

— Не знаю, что будет. Но картину купили. Пермское киновидеообъединение «Инициатива». Я видел этих ребят. Симпатичные, молодые, интеллигентные люди. И купили не только потому, что надеются заработать, но и потому, что наша лента им приглянулась. Может быть, «Мосфильм» прогадал, продав картину, а может — выгадал. Сейчас в прокате из советских картин идут только пошлые, действительно потрафляющие низменным вкусам. А в основном на экранах американщина двадцатилетней давности и какие-то французские комедии, уже бывшие в употреблении, как туалетная бумага из химчистки. Народ, лишенный другого, ходит.

Мы делаем около 400 картин в год, а на экраны выходит две-три. Что будет с фильмом — не знаю. Надеюсь на то, что зрители, возможно, меня еще не забыли и что их привлечет такое созвездие артистов.

— Кинематограф часто называют фабрикой грез. И действительно, на героиню вашей первой картины «Карнавальная ночь» была мода. Ей подражали — и в прическе, и в одежде, и в поведении. На нынешних ваших героев походить не хочется, по крайней мере внешне. Да и вообще в этом фильме вы развеяли последние иллюзии. А финал картины, когда герои улетают в небеса обетованные, сродни любимому анекдоту Елены Боннэр: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс эмиграция всей страны».

— Это уже не эмиграция, это эвакуация населения. Конечно, пессимизм и отчаяние, охватившие все общество, я тоже разделяю. Несмотря на то, что у меня лично вроде бы все нормально. Тыфу-тыфу-тыфу. Выходит второе издание книжки «Неподведенные итоги», я написал новую повесть «Предсказание», которую приняло издательство. Заканчиваю картину и чувствую себя в хорошей форме. Но когда я читаю газеты и смотрю телевизор, меня охватывает невероятное отчаяние. Я никогда в жизни не хотел уезжать из страны. Но если бы мне сейчас было меньше сорока, я бы, пожалуй, уехал. Мы жили в тюрьме. Знали, что существует свежий воздух, поля, реки... но это не для нас. Ну не для нас и не для нас. Но когда мы вдохнули воздух свободы, а теперь нас снова засаживают в тюрьму, вот это пережить невозможно. Но я никуда не уеду: мне много лет, это моя страна, мой народ — я буду умирать здесь.

Перестройка вызвала взрыв энтузиазма. Мы поверили, что наконец что-то изменится. Я стал участвовать в общественной жизни. Был даже секретарем Союза кинематографистов. Сейчас у меня, кроме ощущения ужаса, отчаяния и мерзости, ничего в душе нету. А при этом я еще должен сохранять профессиональное чувство юмора. Поэтому мой юмор чернеет. Это естественно. Время такое...

Ирина МОРСУНОВА.

● Кадр из фильма.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО